

УДК 343.9.01

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-1-73-77

Е. В. Бабошина, В. Е. Лоба*

**ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
НА ИНСТИТУТ СОГЛАСИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО (ПОСТРАДАВШЕГО) НА ПРИЧИНЕНИЕ ЕМУ ВРЕДА**

В статье раскрываются существовавшие в России XIX – начала XX вв. научные представления об уголовно-правовом реагировании на причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам с так называемого согласия потерпевшего или по его просьбе. Сконцентрировано внимание на вопросах оценки согласия потерпевшего на причинение ему вреда в зависимости от объекта уголовно-правовой охраны.

Источниковой базой статьи послужили монографические и диссертационные исследования ученых-криминалистов XIX–XX вв.

Ключевые слова: потерпевший, пострадавший, диссертационные исследования, Российская империя.

В теории уголовного права XIX – начала XX вв. для обозначения лиц, которым причинен преступный вред, используются термины «потерпевший», «пострадавший». Для начала скажем, что вопрос о значении согласия потерпевшего (пострадавшего), в частности, при убийстве и обиде, поднимается юристами XVI–XVII вв. Более же подробная его разработка начинается в конце XVIII – начале XIX вв. В этой связи достаточно упомянуть теории о влиянии согласия потерпевшего на уголовную ответственность содеянного, которые Л.С. Белогриц-Котляревский предлагает делить на три типа: 1) субъективные, с их точкой зрения на преступление как нарушение субъективного права, вследствие чего всякое нарушение благ какого-либо лица, совершенное с его согласия, должно оставаться безнаказанным (Кант, Штубель, Титман, Генке, Вехтер, Эли и др.); 2) объективные, рассматривающие преступление как нарушение объективных прав или, что то же, правопорядка, вследствие чего согласие пострадавшего не позволяло уничтожить преступность деяния (Иарке, Гейб, Марецоль и др.); 3) смешанные, разделявшие все права на отчуждаемые и неотчуждаемые, признавали, что согласие уничтожает противозаконность действий только при нарушении отчуждаемых прав (Фейербах, Грольман, Кестлин, Гельшнер, Бернер, Росси, Ортолан и др.) [1, с. 247]. Как видим, в центре внимания лишь объективная сторона преступления.

Не останавливаясь на путях и способах проникновения этих теорий в Россию, скажем лишь, что, заимствуя вначале базовую основу европейских уголовно-правовых учений в том виде, в каком она сложилась в XVIII–XIX вв., русские ученые XIX – начала XX в. достаточно быстро осознали, что, подобно одежде с чужого плеча, эти идеи выглядят откровенно чуждыми без учета отечественной специфики. Например, критикуя так называемые смешанные теории, С. В. Познышев пишет следующее: «...представляется, прежде всего, непо-

нятным и недоказанным, почему с этим различием благ отчуждаемых и неотчуждаемых должно связываться различное значение согласия пострадавшего, почему в одном случае это согласие имеет одно значение, а в другом – диаметрально противоположное. Во-вторых, самое деление благ на отчуждаемые и неотчуждаемые представляется довольно неопределенным. Какие блага считать отчуждаемыми – те ли, которые субъект может передать или перенести на другое лицо, или те, от которых он вообще может отказаться, хотя бы без передачи кому-либо? Вряд ли можно было придать слову “отчуждаемый” еще какое-либо иное значение» [2, с. 174]. В связи с этим более широкое понимание нашла точка зрения, согласно которой правильное разрешение вопроса может быть осуществлено лишь путем анализа отдельных преступлений.

Принимая во внимание тему нашего исследования, сконцентрируем внимание на вопросах оценки согласия потерпевшего в зависимости от объекта уголовно-правовой охраны. Так, относя к таковым человеческие блага, П. П. Пусторослев, с точки зрения соотношения публичных и частных интересов, делит их на два разряда. К первому принадлежат те блага, неприкосновенность которых, по понятиям данного народа в данное время в данном месте, важна сама по себе для народного благосостояния, независимо от того, желает или не желает отдельное лицо пользоваться этими благами (безопасность государства, доброкачественность правосудия и денежных знаков, свобода от рабства и т. д.). Ко второму разряду ученый относит те человеческие блага, неприкосновенность которых, по понятиям данного народа, важна для народного благосостояния не сама по себе, а потому, что ее желает обладатель этих благ, ради своего частного благосостояния (имущественные блага, личная честь, телесная неприкосновенность, обыкновенно телесная невредимость и т. п.) [3, с. 303–304].

* © Бабошина Е. В., Лоба В. Е., 2018

Бабошина Елена Владимировна (baboshina.80@mail.ru), кафедра юридических дисциплин, Дагестанский государственный университет, 368800, Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Кизляр, ул. С. Стальского, 1е.

Лоба Всеволод Евгеньевич (vsevolodka@inbox.ru), Дагестанский государственный университет, 368800, Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Кизляр, ул. С. Стальского, 1е.

Н. Д. Сергеевский считал, что вопрос о значении согласия пострадавшего не может иметь место в следующих случаях: 1) все преступные деяния политические, религиозные, против порядка управления, служебные, нарушения правил благоустройства и безопасности в связи отсутствием субъекта, о согласии которого могла быть речь; 2) деяния, в состав которых входит факт нарушения воли лица (преступные деяния против свободы, изнасилование), поскольку согласие пострадавшего устраняет здесь самое представление о нарушении какого бы то ни было блага; 3) деяния, заключающие в себе посягательство на права и блага лиц недееспособных — малолетних, невменяемых и проч. Согласие, данное таким пострадавшим, не может иметь, очевидно, никакого значения. «К этой же категории относится умерщвление плода» [4, с. 245].

Не отвлекаясь от заданной темы, заметим, что отнесение Н. Д. Сергеевским плода к категории недееспособных лиц может быть и даже скорее всего связано с тем, что медицинская наука XIX в. уже тогда настаивала, что человеческая жизнь начинается с момента зачатия [5, с. 69]. Иначе говоря, в рамках уголовно-правового учения о согласии потерпевшего (пострадавшего) поднимался вопрос и о начале человеческой жизни.

В зависимости от важности защиты объекта уголовно-правовой охраны, подавляющее большинство отечественных исследователей XIX — начала XX вв. сошлись во мнении, что в имущественных преступлениях, согласие пострадавшего, строящееся по принципу: *volenti non fit injuria* — для желающего нет обиды, исключает преступность деяния, «за исключением общепасного повреждения имущества» [2, с. 176]. По мнению Л. Е. Владимирова, не только в имущественных, но и в преступлениях против свободы и чести частных лиц согласие потерпевшего устраняет преступность деяния [6, с. 73–74]. Как справедливо отмечал С. И. Баршев, когда хозяин позволяет взять принадлежащую ему вещь, то не может быть воровства. «Равным образом нет и обиды, когда тот, против кого предпринимается оскорбительное действие, сам соизволяет на это» [7, с. 26–27]. К этому перечню Н. С. Таганцев добавлял посягательства на телесную неприкосновенность, за исключением тяжких повреждений организма, причинения телесного расстройства [8, с. 274–275]. Признания наказуемым причинения тяжких телесных повреждений (членовредительства) с согласия потерпевшего (пострадавшего) придерживался не только Н. С. Таганцев, но и А. Ф. Кистяковский [9, с. 304], Н. Д. Сергеевский [4, с. 283], С. В. Познышев [2, с. 177] и др.

По общему правилу, указывал И. Я. Фойницкий, от каждого блага, ему принадлежавшего, человек может отказаться, и тогда о нарушении его не может быть более речи. В то же время подчеркивал, что «отсюда исключается благо жизни, признаваемое, по огромной важности его, неотчуждаемым... невозможно представить всякому убивать другого по выраженному последним желанию» [10, с. 12]. В уголовно-правовой

науке XIX — начала XX вв., как, впрочем, и в настоящее время, убийство по согласию (по просьбе) потерпевшего являлся одним из спорных вопросов. К примеру, Л. С. Белогриц-Котляревский выделял следующие типичные, по его мнению, случаи убийств по согласию (по просьбе): 1) солдат или офицер на войне закалывает своего товарища, снисходя к его просьбе прекратить страдания; 2) доктор по тем же мотивам дает яд больному; 3) влюбленные, встречая препятствие к браку, предпочитают жизнь таким образом, что один должен убить сначала другого, а потом сам себя, причем выполняется только первая часть плана в силу того, что убийца не способен покончить с собою; 4) убийство на дуэли, предполагающее также согласие пострадавшего [1, с. 249].

Анализ имеющихся источников того периода позволяет нам, с определенным огрублением, вопрос дачи согласия потерпевшего при посягательствах на жизнь разделить на три группы: согласие потерпевшего исключает уголовную ответственность; согласие потерпевшего не уничтожает преступность деяния; согласие потерпевшего не устраняет преступности совершенных действий лица, лишившего жизни потерпевшего, но заслуживает смягчения наказания или даже признания ненаказуемыми.

В соответствии с первым подходом, взаимное соглашение на действие посягателя и потерпевшего, если последний не малолетний или психически больной, уничтожает преступность деяния. «Где те уста, которые решились бы сказать «виновен», где та рука, которая добровольно решилась бы подписать смерть или каторгу, где тот исполнитель закона, который бы без внутреннего содрогания, без боли в сердце, исполнил бы смертный приговор над тем, кто, может быть, сам с мучительной болью решился прекратить, вследствие мольбы, страдальческие минуты смертельно раненного товарища; кто, став лицом к лицу со своею совестью, позволяет себе клеймить именем злодеев двух лиц взаимно убивающих друг друга в состоянии голода или безысходного житейского горя», — писал Н. А. Неклюдов [11, с. 264].

Рассматривая случаи, когда солдат на поле сражения закалывает своего смертельно раненного товарища по его мольбе, чтобы сократить его мучения, или когда генерал, окруженный неприятелем, не желая попасть в плен, предлагает своему адъютанту помочь ему в самоубийстве, говорил А. В. Лохвицкий, что «никакой суд не признает подобных поступков убийством, — здесь нет главного элемента убийства — злостного лишения жизни» [12, с. 548–549].

Известно, что огромное воздействие на волеизъявление оказывает мотив. В своей докторской диссертации М. П. Чубинский отстаивал позицию безнаказанности того, кто помогает другому в самоубийстве или убивает лицо, согласившееся умереть, «поскольку виновный был руководим в своей деятельности социальными мотивами (состраданием, любовью и т. д.)». Отстаивая предложенный тезис, диссертант дальше указывает: если же виновный ру-

ководствовался антисоциальными мотивами (ненависть, алчность, обман и прочее), «тогда он является обыкновенным преступником и должен быть наказан как таковой» [13, с. 295].

Н. Д. Сергеевский, скептически относясь к этой точке зрения, категорично утверждал, что в связи с особой ценностью таких благ, как жизнь и здоровье «и для личности, и для государства, невознаградимость их потери, социальное и этическое значение в современном обществе самого факта пролития крови ближнего служат достаточным основанием к признанию» посягательств на жизнь и тяжкое телесное повреждение «достаточным основанием к признанию этих деяний наказуемыми безусловно, то есть независимо от личных отношений пострадавшего к своему благу — его соизволения на нарушение или несоизволения» [4, с. 244].

А еще раньше к преступным относил случаи «кто убил кого просившего о предании его смерти при его отчаянии и какой-либо душевной скорби и досаде» Г. И. Солнцев [14, с. 76], т. е. предлагается учитывать мотив и эмоции в момент совершения убийства.

Предпочтительной в теории уголовного права выглядит третья группа взглядов. В этом отношении интерес представляет мнение А. Ф. Кистяковского, который объяснял смягчение, но не освобождение от наказания при согласии («соизволении») на членовредительство и убийство, тем, что, с одной стороны, наблюдается «разрешение субъективной воли на нарушение известного права», с другой стороны, «объективная воля или воля государства — и не согласна на такое разрешение» [9, с. 304–305]. Говоря современным языком, предлагается своеобразный компромисс с учетом приоритета публичного и значения частного интереса.

В. Д. Спасович в своем диссертационном исследовании «Учебник уголовного права» писал, что «убийство лица по его просьбе или согласию или изуродование его (напр., отрезание ему члена, осклопление) могут быть преследуемы уголовно, потому что они не перестают быть преступлениями против чужой идеальной личности». В то же время согласие должно смягчить наказание либо устранить наказуемость «по судебному приговору или посредством помилования, например, когда лекарь дает яд безнадежно больному, которого нельзя спасти, для сокращения его страданий, или когда солдат оказывает подобную услугу раненому товарищу» [15, с. 101]. Позицию о смягчении наказания при согласии на убийство также отстаивали в своих работах В. Е. Владимиров [6, с. 73–74], В. Д. Набоков [16, с. 9], С. В. Познышев [2, с. 178], И. Я. Фойницкий [10, с. 13] и др.

В литературе рассматриваемого периода стремились определить ту грань согласия, за которой может начаться хаос вседозволенности. Так, по Н. С. Таганцеву, согласие пострадавшего (потерпевшего) на причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам исключает преступность деяния при соблюдении следующих условий: согласие дано с осознанием вредности разрешаемого действия

дееспособным субъектом в отношении только тех личных благ или прав, распоряжаться которыми он имел законное право до или во время причинения вреда, и не направлено на причинение вреда общественным и государственным интересам, а также оно должно относиться «к определенному времени и действию» и восприниматься именно как согласие, «при этом вовсе не требуется, чтобы согласие было прямо выражено пострадавшим, так как часто вполне достаточно согласия молчаливого, подразумеваемого или заявленного конклюдентными действиями» [17, с. 499–501]. Примечательно, что по сути сходного мнения придерживались С. В. Познышев [2, с. 178–179] и П. П. Пусторослев [3, с. 305].

Если же обратиться к законодательству, то Общая часть Уголовного уложения 1903 г., отразившая, в основном, взгляд такого выдающегося исследователя проблем уголовного права европейского масштаба, как Н. С. Таганцев, не упоминает о значении согласия. В объяснительной записке редакторы мотивируют это следующим образом: «Хотя общая часть нового уложения и не упоминает о согласии пострадавшего как о причине, уничтожающей преступность известных деяний, тем не менее таковая непреступность должна быть признаваема как общее правило при всех преступных деяниях, направленных против частных лиц, как имущественных, так и личных, если самим законом не установлены изъятия» [18, с. 264]. Таким изъятием в Уложении 1903 г. может служить включенная в гл. 22 «О лишении жизни» Уложения 1903 г. норма, предусматривающая смягчение наказания виновному за убийство, учиненному по настоянию убитого и из сострадания к нему (ст. 460) [19, с. 90].

Следует подчеркнуть, что согласие потерпевшего на причинение ему вреда как самостоятельный правовой институт незнаком отечественному уголовному законодательству. Вполне возможно, да и скорее всего, за всем этим стоит, во-первых, давно сложившееся мнение, обладающее большим инерционным воздействием, что лишение жизни потерпевшего с его согласия противоречит господствующей в обществе морали; во-вторых, опасениями различного рода злоупотреблений. «Если государство стоит на страже интересов своих граждан, — писал И. И. Карпец, — оно не допустит аморального к ним отношения, не говоря уже о нарушении их прав, установленных законом» [20, с. 129].

В то же время во многих современных теоретических разработках красной нитью проходит мысль об обоснованности и разумности введения общей нормы о признании не преступным причинения вреда интересам потерпевшего с его согласия (по его просьбе) [21, с. 188], и даже предлагаются авторские версии совершенствования законодательства типа «Согласие пострадавшего» [22, с. 111–112], «Причинение вреда с согласия лица, полномочного распоряжаться своим правом» [23, с. 171], «Причинение вреда в особых условиях» [24, с. 470] и др. Увы, в обозримой перспективе эти идеи остаются невостребованными. В этой

ситуации остается, видимо, лишь грустно заметить, что в споре рождается все, что угодно, кроме истины.

Как бы там ни было, никто не станет отрицать, что, во-первых, между теорией и законодательной практикой существует большой разрыв в плане законодательного закрепления причинения вреда с согласия потерпевшего или по его просьбе; во-вторых, законодатель не учитывает степень разработанности целого ряда теоретических достижений, в том числе крупнейших отечественных специалистов в области уголовного права XIX – начала XX в., относительно согласия потерпевшего или по его просьбе.

Библиографический список

1. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев: Типо-лит. И. И. Чоколова, 1903. 618 с.
2. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-е А. А. Карцева, 1912. 668 с.
3. Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. I. Юрьев, 1907. 546 с.
4. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. 4-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 364 с.
5. Будзинский С. М. О преступлениях в особенности. Сравнительное исследование. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1887. 451 с.
6. Владимиров В. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков: Тип. Каплана и Бирюкова, 1889. 259 с.
7. Баршев С. И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях в двух разделах. М.: Универ. тип., 1841. 357 с.
8. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Книга 1-я. Учение о преступлении. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874. 324 с.
9. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением русского уголовного законодательства. 3-е изд. Киев: Тип.-лит. И. Н. Кушнерев и К°, 1891. 683 с.
10. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. 441 с.
11. Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Т. I. Преступления и проступки против личности. СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1876. 555 с.
12. Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Скоропечатня Ю. О. Шрейера, 1871. 714 с.
13. Чубинский М. П. Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве. Ярославль: Тип.-лит. Э. Г. Фальк, 1900. 350 с.
14. Солнцев Г. И. Российское уголовное право / под ред. Г. С. Фельдштейна. Ярославль, 1907. 302 с.
15. Сласович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1. СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1863. 442 с.
16. Набоков В. Д. Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. Выпуск первый. Кн. I и II. СПб.: Сенат. тип., 1903. 220 с.
17. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. I. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Гос. тип., 1902. 823 с.

18. Есипов В. В. Очерк русского уголовного права. Часть общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Тип.-лит. И. И. Пашкова, 1903. 550 с.

19. Уголовное уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Сенат. тип., 1903. 253 с.

20. Карпец И. И. Уголовное право и этика. М.: Юрид. лит., 1985. 256 с.

21. Блинников В. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2014. 216 с.

22. Сидоренко Э. Л., Карабут М. А. Частные начала в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 212 с.

23. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 267 с.

24. Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 592 с.

References

1. Belogrity-Kotlyarevsky L. S. Uchebnik russkogo ugodovnoogo prava. Obshchaia i osobennaia chasti [Textbook of Russian criminal law. General and special parts] Kiev: Tipo-lit. I. I. Chokolova, 1903, 618 p. [in Russian].
2. Poznyshev S. V. Osnovnye nachala nauki ugodovnoogo prava. Obshchaia chast' ugodovnoogo prava. 2-e izd., ispr. i dop. [The basic principles of the science of criminal law. General part of criminal law. 2nd edition, revised and enlarged]. M.: Izd-e A. A. Kartseva, 1912, 668 p. [in Russian].
3. Pustoroslev P. P. Russkoe ugodovnoe pravo. Obshchaia chast'. Vypusk I [Russian criminal law. General part. Issue I]. Yuriyev, 1907, 546 p. [in Russian].
4. Sergeevsky N. D. Russkoe ugodovnoe pravo: posobie k lektssiam. 4-e izd. [Russian criminal law: manual to lectures. 4th edition]. SPb.: Tip. M. M. Stasiulevicha, 1900, 364 p. [in Russian].
5. Budzinsky S. M. O prestupleniiakh v osobennosti. Sravnitel'noe issledovanie [About crimes in particular. Comparative research]. Warsaw: Tipografia K. Kovalevskogo, 1887, 451 p. [in Russian].
6. Vladimirov V. E. Uchebnik russkogo ugodovnoogo prava. Obshchaia chast' [Textbook of Russian criminal law. General part]. Kharkov: Tip. Kaplana i Biriukova, 1889, 259 p. [in Russian].
7. Barshev S. I. Obshchie nachala teorii i zakonodatel'stv o prestupleniiakh i nakazaniiakh v dvukh razdelakh [General principles of the theory and legislation on crimes and punishments in two parts]. M.: Univer. tip., 1841, 357 p. [in Russian].
8. Tagantsev N. S. Kurs russkogo ugodovnoogo prava. Chast' obshchaia. Kniga 1-ia. Uchenie o prestuplenii [Course of Russian criminal law. General part. Book I. The doctrine of crime]. SPb.: Tip. M. Stasiulevicha, 1874, 324 p. [in Russian].
9. Kistyakovsky A. F. Elementarnyi uchebnik obshchego ugodovnoogo prava s podrobnym izlozheniem russkogo ugodovnoogo zakonodatel'stva. 3-e izd. [Elementary textbook of general criminal law with a detailed description of Russian criminal law. 3rd edition]. Kyiv: Tip.-lit. I. N. Kushnerev i K°, 1891, 683 p. [in Russian].

10. Foinitsky I. Ya. Kurs ugolovnogogo prava. Chast' osobennaia. Posiagatel'stva lichnye i imushchestvennye. 5-e izd. [The course of criminal law. Special Part. Personal and property encroachments. 5th edition]. SPb.: Tip. M. M. Stasiulevicha, 1907, 441 p. [in Russian].
11. Neklyudov N. A. Rukovodstvo k osobennoi chasti russkogo ugolovnogogo prava. T. I. Prestupleniia i prostupki protiv lichnosti [A guide to a special part of Russian criminal law. Vol. I. Crimes and offenses against the person]. SPb.: Tip. P. P. Merkul'eva, 1876, 555 p. [in Russian].
12. Lokhvitsky A. V. Kurs russkogo ugolovnogogo prava. 2-e izd., ispr. i dop. [The course of Russian criminal law. 2nd edition, revised and enlarged]. SPb.: Skoropchatnia Iu. O. Shreiera, 1871, 714 p. [in Russian].
13. Chubinsky M. P. Motiv prestupnoi deiatel'nosti i ego znachenie v ugolovnom prave [Motive of criminal activity and its importance in the criminal law]. Yaroslavl: Tip.-lit. E. G. Fal'k, 1900, 350 p. [in Russian].
14. Solntsev G. I. Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Pod red. G.S. Fel'dshteina [Russian Criminal Law. G.S. Feldshtein (Ed.)]. Yaroslavl, 1907, 302 p. [in Russian].
15. Spasovich V. D. Uchebnik ugolovnogogo prava. T. 1 [Criminal law. Textbook. Vol. 1]. SPb.: Tip. Iosafata Ogrizko, 1863, 442 p. [in Russian].
16. Nabokov V. D. Elementarnyi uchebnik osobennoi chasti russkogo ugolovnogogo prava. Vypusk pervyi. Knigi I i II [Elementary textbook of a special part of Russian criminal law. Issue one. Books I and II]. SPb.: Senat. tip., 1903, 220 p. [in Russian].
17. Tagantsev N. S. Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaia. T. I. 2-e izd., peresmotr. i dop. [Russian criminal law. Lectures. General part. Vol. I. 2nd edition, revised and enlarged]. SPb.: Gos. tip., 1902, 823 p. [in Russian].
18. Esipov V. V. Ocherk russkogo ugolovnogogo prava. Chast' obshchaia: Prestuplenie i prestupniki. Nakazanie i nakazuemye. 3-e izd., peresmotr. i dop. [Essay on Russian criminal law. General part: Crime and criminals. Punishment and offenders. 3rd edition, revised and enlarged]. M.: Tip.-lit. I. I. Pashkova, 1903, 550 p. [in Russian].
19. Ugolovnoe ulozhenie. Vysochaishe utverzhdennoe 22 marta 1903 g. [The criminal code. Approved on March 22, 1903]. SPb.: Senat. tip., 1903, 253 p. [in Russian].
20. Karpets I. I. Ugolovnoe pravo i etika [Criminal law and ethics]. M.: Iuridicheskaiia literatura, 1985, 256 p. [in Russian].
21. Blinnikov V. A. Obstoiatel'stva, iskluchaiushchie prestupnost' deianiia, v ugolovnom prave Rossii: monografiia. 2-e izd., pererab. i dop. [Circumstances that exclude the criminality of the act, in the criminal law of Russia: monograph. 2nd edition, revised and enlarged]. M.: Iurlitinform, 2014, 216 p. [in Russian].
22. Sidorenko E. L., Karabut M. A. Chastnye nachala v ugolovnom prave [Private principles in criminal law]. SPb.: Iuridicheskii tsentr Press, 2007, 212 p. [in Russian].
23. Parkhomenko S. V. Dejanija, prestupnost' kotoryh iskljuchaetsja v silu social'noj poleznosti i neobhodimosti [Acts whose crime is excluded because of social utility and necessity]. SPb.: Iuridicheskii tsentr Press, 2004, 267 p. [in Russian].
24. Sverchkov V. V. Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti, prekrashchenie ugolovnogogo dela (presledovaniia), otkaz v ego vobuzhdenii: problemy teorii i praktiki [Exemption from criminal liability, termination of criminal proceedings (persecution), refusal to initiate it: problems of theory and practice]. SPb.: Iuridicheskii tsentr Press, 2008, 592 p. [in Russian].

*E. V. Baboshina, V. E. Loba**

SOME ASPECTS OF THE HISTORY OF SCIENTIFIC VIEWS FORMATION ON THE INSTITUTE OF CONSENT OF THE VICTIM TO BE HARMED IN THE RUSSIAN EMPIRE

There are considered scientific ideas existed in Russia in the nineteenth and early twentieth centuries which were connected with the criminal justice response to inflicted harm to the interests protected by criminal law from the consent of the victim or at his request.

The article focuses on the issues of assessing the consent of the victim to be harmed, depending on the object of the criminal-legal protection.

The source of the article was monographic and dissertational research of criminology scientists of the XIX–XX centuries.

Key words: victim, dissertational research, criminal law, Russian Empire.

* Baboshina Elena Vladimirovna (baboshina.80@mail.ru), Department of Legal Disciplines, Dagestan State University, 1e, Stalsky Street, Kizlyar, 368800, Republic of Dagestan, Russian Federation.

Loba Vsevolod Evgen'evich (vsevolodka@inbox.ru), Dagestan State University, 1e, Stalsky Street, Kizlyar, 368800, Republic of Dagestan, Russian Federation.